

О ТУРАНКОМЪ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ РУССКОЙ КУЛЬТУРЪ

1

Восточно-славянскія племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территоріи, которую занимает современная Россія. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территоріи, рѣчные бассейны, связующіе Балтійское Море съ Чернымъ. Вся прочая, большая часть территоріи современной Россіи была заселена преимущественно тѣми племенами, которыя принято объединять подъ именемъ „туранскихъ“ или „уралоалтайскихъ“. Въ исторіи всей названной географической области эти туранскія племена играли первоначально гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ восточно-славянскія, русскія племена. Даже въ такъ называемый домонгольскій періодъ, туранскія государства въ предѣлахъ одной Европейской Россіи (царство волжско-камскихъ болгаръ и царство Хазарское) были гораздо значительнѣе варяжско - русскаго. Самое объединеніе почти всей территоріи современной Россіи подъ властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространеніе русскихъ на Востокъ было связано съ обрусѣніемъ цѣлаго ряда туранскихъ племенъ, сожительство русскихъ съ туранцами проходитъ красной нитью черезъ всю русскую исторію. Если сопряженіе восточнаго славянства съ туранствомъ есть основной фактъ русской исторіи, если трудно найти великорусса, въ жилахъ котораго такъ или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же ту-

ранская кровь (отъ древнихъ степныхъ кочевниковъ) въ значительной мѣрѣ течетъ и въ жилахъ малороссовъ, — то совершенно ясно, что для правильнаго національнаго самопознанія намъ русскимъ необходимо учитывать наличность въ насъ туранскаго элемента, необходимо изучать нашихъ туранскихъ братьевъ. Между тѣмъ, до сихъ поръ мы мало заботились объ этомъ: мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхожденіе, замалчивая наличность въ насъ туранскаго элемента, даже какъ будто стыдась этого элемента. Съ этимъ предразсудкомъ пора покончить. Какъ всякая предвзятость, онъ мѣшаетъ правильному самопознанію, а правильное самопознаніе есть не только долгъ всякой личности, но и непремѣнное условіе разумаго существованія всякой личности, въ томъ числѣ и націи, понимаемой также, какъ своего рода личность.

Подъ именемъ „туранскихъ“ или „уралоалтайскихъ“ народовъ разумѣютъ слѣдующія пять группъ народовъ:

Народы угрофинскіе, которые по признакамъ языковаго родства подраздѣляются на западныхъ финновъ (эстовъ, кареловъ, собственно-финновъ и рядъ мелкихъ племенъ), лопарей (въ Швеціи, Норвегіи, сѣверной Финляндіи и въ Россіи на Кольскомъ полуостровѣ), мордву, черемисъ, пермскихъ финновъ (зырянъ и вотяковъ) и угровъ (мадаръ или венгерцевъ въ Венгріи и Трансильваніи и „обскихъ угровъ“ — т. е. вогуловъ и остяковъ въ сѣверозападной Сибири); къ той же группѣ угрофинскихъ народовъ принадлежали и вымершія (точнѣе вполнѣ обрусѣвшія) древнія племена, — меря (по языку родственная черемисамъ), весь (по языку западнофинское племя), мурома и мещера, — упоминаемая русскими лѣтописями.

Самоѣды, дѣлившіеся на нѣсколько племенъ, нынѣ почти вымершіе и сохранившіеся лишь въ незначительномъ количествѣ въ Архангельской губерніи и сѣверо-западной Сибири.

Тюрки, къ которымъ принадлежатъ турки-османы, разные татары (крымскіе, казанскіе, азербейджанскіе, тобольскіе и т. д.), мещеряки, тептяри, балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.), кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, сарты, узбеки, алтайцы, якуты, чувашы и цѣлый рядъ древнихъ, исчезнувшихъ народовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстными являются хазары, болгары (волжско-камскіе и

„аспаруховы“), половцы (иначе куманы или кипчаки), уйгуры и проч.

Монголы, къ которымъ принадлежать въ предѣлахъ Россіи калмыки и буряты, а за ея предѣлами — собственно монголы въ Монголіи.

Манджуры, къ которымъ кромѣ собственно манджуровъ принадлежать еще гольды и тунгусы (нынѣ почти поголовно вымершіе или обрусѣвшіе).

Несмотря на рядъ общихъ антропологическихъ и лингвистическихъ признаковъ, свойственныхъ всѣмъ перечисленнымъ группамъ народовъ и позволяющимъ объединить ихъ подъ общимъ именемъ туранскихъ, вопросъ о ихъ генетическомъ родствѣ является спорнымъ. Доказаннымъ можно считать только родство угрофинской группы языковъ съ самоѣдской, и обѣ эти группы объединяють иногда подъ общимъ именемъ „уральской семьи языковъ“¹⁾. Но все же, даже если остальные три группы туранскихъ языковъ и народовъ генетически не родственны между собой и съ „уральцами“, тѣмъ не менѣе близкое взаимное сходство всѣхъ туранскихъ языковъ и психологическихъ обликовъ всѣхъ туранскихъ народовъ совершенно не подлежитъ сомнѣнію, и мы имѣемъ право говорить о единомъ туранскомъ психологическомъ типѣ, совершенно отвлекаясь отъ вопроса о томъ, обусловлена ли эта общность психологическаго типа кровнымъ родствомъ или какими нибудь другими историческими причинами.

2

Туранскій психическій обликъ явственнѣе всего выступаетъ у тюрковъ, которые къ тому же изъ всѣхъ туранцевъ играли въ исторіи Евразіи самую выдающуюся роль. Поэтому, мы будемъ исходить изъ характеристики именно тюрковъ.

¹⁾ Родство между тюркскими, монгольскими и манджурскими языками (объединяемыми въ общую группу „алтайскихъ языковъ“), считавшееся долгое время весьма вѣроятнымъ, за послѣднее время въ связи съ болѣе детальнымъ ихъ изученіемъ подвергнуто сомнѣнію. Родство между „уральскими“ языками и остальными туранскими большинствомъ лингвистовъ теперь рѣшительно отрицается. И только за самое послѣднее время стали вновь дѣлаться попытки научно доказать это родство.

Психическій обликъ тюрковъ выясняется изъ разсмотрѣнія ихъ языка и продуктовъ ихъ національнаго творчества въ области духовной культуры.

Тюркскіе языки очень близки другъ къ другу, особенно если отвѣчься отъ иностранныхъ словъ (персидскихъ и арабскихъ), проникшихъ въ огромномъ числѣ въ языки тюрковъ-мусульманъ. При сравненіи отдѣльныхъ тюркскихъ языковъ между собой легко выявляется одинъ общій типъ языка, яснѣ всего выступающій у алтайцевъ. Типъ этотъ характеризуется своей необычайной стройностью. Звуковой составъ словъ нормируется рядомъ законовъ, которые въ чисто-тюркскихъ, незаимствованныхъ словахъ не терпятъ исключеній. Такъ, гласныя въ каждомъ словѣ подчиняются законамъ „гармоніи гласныхъ“: если первый слогъ слова заключаетъ въ себѣ одну изъ „заднихъ“ гласныхъ (а, о, ы, у), то и всѣ прочіе слоги того же слова, сколько бы ихъ ни было, должны заключать въ себѣ одну изъ этихъ заднихъ гласныхъ; если первый слогъ заключаетъ въ себѣ одну изъ „переднихъ“ гласныхъ (ä¹⁾, ö, i, ü), то и всѣ прочіе слоги того же слова непременно заключаютъ въ себѣ одну изъ этихъ переднихъ гласныхъ; совмѣщеніе въ разныхъ слогахъ одного и того же слова гласныхъ заднихъ и переднихъ не допускается, каждое слово является либо сплошь „заднегласнымъ“, либо сплошь „переднегласнымъ“. Аналогичные законы нормируютъ и употребленіе гласныхъ „темныхъ“ (т. е. связанныхъ съ выдвигеніемъ губъ: о, у, ö, ü) и свѣтлыхъ (т. е. не связанныхъ съ выдвигеніемъ губъ: а, ы, ä, i)²⁾. Въ наиболѣ типичныхъ тюркскихъ языкахъ такими же строгими и не терпящими исключеній правилами нормируется и употребленіе согласныхъ въ словѣ: однѣ согласныя (напр. къ, гъ, ль) допускается только въ „заднегласныхъ“, другія (напр. къ, гъ, ль) — только въ „переднегласныхъ“ словахъ, однѣ (напр. д, б, г, дж, з, ж) допускаются только между гласными (или

1) ä — звукъ средній между е и а, нѣчто вродѣ той гласной, которая звучитъ въ русскомъ словѣ пять.

2) Напр. въ алтайскомъ языкѣ послѣ слога, содержащаго гласную ö, можетъ стоять только слогъ содержащій ö или ü, послѣ слога съ гласной ы — только слогъ, содержащій ы или а, и т. д. По турецки гласныя у, ü допускаются въ не первомъ слогѣ слова только, если предшествующій слогъ содержитъ „темную гласную“; гласныя ы, i — только послѣ слога съ „свѣтлой“ гласной.

между р, л, м, н и гласной), другія (напр. т, п, к, ч, с, ш) именно въ этомъ положеніи не допускаются и т. д., Такимъ образомъ, несмотря на относительное богатство общаго инвентаря звуковъ, языкъ оказывается фонетически однообразнымъ. Благодаря строгому подчиненію всей звуковой системы языка вышеупомянутымъ законамъ, число возможныхъ звуковыхъ комбинацій ограничено, и въ связной рѣчи однѣ и тѣ же особо явственное звуковое единство, создается нѣкоторая акустическая инерція (подобная инерціи тональностей въ музыкальномъ произведеніи). — Та же стройность и педантическое слѣдованіе единообразнымъ законамъ наблюдается и въ грамматикѣ тюркскихъ языковъ. Эта грамматика, собственно, не знаетъ „исключеній“. Всѣ существительныя склоняются по одному и тому же образцу: варіаціи, обусловленные только законами гармоніи звуковъ, въ силу всеобщности этихъ законовъ, не сознаются какъ исключенія¹⁾. Всѣ глаголы спрягаются одинаково²⁾. Поражаетъ трезвая экономія грамматическаго инвентаря: нѣтъ никакихъ грамматическихъ категорій съ логически или матеріально не оправданнымъ значеніемъ³⁾. Корень изменяемого слова (то есть комплексъ звуковъ, являющійся носителемъ его основного матеріальнаго значенія) составляетъ всегда первую часть этого слова, т. е. словесные элементы съ грамматическимъ значеніемъ всегда стоятъ послѣ корня, представляя изъ себя „суффиксы“ или „окончанія“, а „префиксовъ“ или „приставокъ“ нѣтъ. Гласная корня во всѣхъ формахъ остается неизмѣнной, гласная же суффикса и окончанія мѣняются, смотря по качеству гласной предшествующаго слога, сообразно съ законами гармоніи гласныхъ, спаивающими всѣ элементы слова въ одно фонетическое цѣлое; въ то же время самый порядокъ расположенія въ предѣлахъ одной словесной единицы разныхъ грамматическихъ элементовъ норми-

1) Напр. по турецки кол „рука“ имѣетъ род. пад. колун, а таш „камень“ — род. пад. ташын, не потому, чтобы эти слова принадлежали къ разнымъ склоненіямъ, а потому, что по закону гармоніи гласныхъ у можетъ стоять только послѣ слога съ задней темной гласной, а ы — только послѣ слога съ свѣтлой задней гласной и т. д.

2) Если не считать глагола „быть“, который чуть ли не во всѣхъ языкахъ земного шара представляетъ отступленія отъ нормъ.

3) Напр. нѣтъ раздѣленія существительныхъ на роды.

руется особыми строго логическими правилами, создающими смысловое единство слова¹⁾.

Та же логическая схематичность и послѣдовательность наблюдается и въ области синтаксиса. Порядокъ словъ въ предложении опредѣляется нѣсколькими простыми общими правилами, недопускающими исключеній. Слова опредѣляющія стоятъ не-

1) Съ звуковой стороны тюркское слово есть комплексъ въ известномъ отношеніи однородныхъ звуковъ; со стороны смысловой это есть единое представленіе. Звуковое единство тюркскаго слова опредѣляется дѣйствіемъ законовъ гармоніи звуковъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ это дѣйствіе прекращается, лежитъ и граница данной словесной единицы, и начинается другая словесная единица. Это подчеркивается удареніемъ, которое въ принципѣ лежитъ на послѣднемъ слогѣ каждаго слова. Т. к. всѣ законы гармоніи звуковъ сводятся къ тому, что качество звуковъ каждаго слога слова опредѣляется качествомъ звуковъ непосредственно предшествующаго слога того же слова, а первымъ слогомъ каждой словесной единицы всегда является корень, то можно сказать, что корень опредѣляетъ собой весь фонетическій характеръ (звуковой обликъ) даннаго слова. Смысловымъ эквивалентомъ этой звуковой стороны является порядокъ расположенія грамматическихъ элементовъ слова. За корнемъ слѣдуютъ суффиксы, т. е. звуковые комплексы, измѣняющіе и специализирующіе матеріальное значеніе слова: присоединеніе каждаго суффикса создаетъ въ смысловомъ отношеніи новое представленіе, матеріально отличное отъ представленія, выражаемаго при отсутствіи даннаго суффикса. При этомъ, если въ словѣ нѣсколько суффиксовъ, то они располагаются такъ, чтобы суффиксы съ наиболѣе частнымъ и конкретнымъ значеніемъ стояли къ корню ближе, чѣмъ суффиксы съ значеніемъ болѣе общимъ и отвлеченнымъ. Наконецъ, заканчивается слово окончаніемъ, т. е. звуковымъ комплексомъ, неизмѣняющимъ матеріальное представленіе о данномъ предметѣ или дѣйствіи, а указывающимъ лишь логическое отношеніе даннаго слова къ другимъ словамъ того же предложенія. Этотъ принципъ расположенія формальныхъ элементовъ слова проводится съ неумолимой послѣдовательностью. Такъ напр., отрицаніе въ глаголѣ выражается особымъ суффиксомъ, ибо представленіе о дѣйствіи отрицаемомъ иное, чѣмъ о дѣйствіи утверждаемомъ и т. д. — Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующіе все сказанное о звуковомъ и морфологическомъ строеніи тюркскаго слова. Османско-турецкое таш „камень“ заключаетъ въ себѣ свѣтлую заднюю гласную а; джык (передъ гласными джыг) суффиксъ уменьшительныхъ: таш джык „камушекъ“; лар суффиксъ множественнаго числа: таш лар „камни“, таш джык лар „камушки“; ым суффиксъ притяжательный 1-го лица ед. ч.: таш ым „мой камень“, таш лар ым „мои камни“, таш джыг ым „мой камушекъ“, таш джык лар ым „мои камушки“; — да окончаніе мѣтнаго падежа: таш да „въ камнѣ“, таш джык да „въ камушкѣ“, таш лар да „въ камняхъ“, таш джык лар да „въ камушкахъ“, таш ым да „въ моемъ камнѣ“, таш джыг ым да „въ моемъ камушкѣ“, таш лар ым да „въ моихъ камняхъ“, таш джык лар ым да „въ моихъ камушкахъ“. Не трудно замѣтить, что всѣ эти слова какъ бы настроены на одну „тональность а — ы“: эта тональ-

посредственно передъ словами опредѣляемыми, подлежащее предшествуетъ сказуемому (даже общѣе: слово, выражающее субъектъ дѣйствія предшествуетъ слову, выражающему дѣйствію), прямое дополненіе стоитъ между подлежащимъ и сказуемымъ и т. д. Въ эту простую схему втискиваются какъ самыя простыя, такъ и самыя сложныя предложенія, даже періоды¹⁾.

Подводя итогъ всему сказанному о тюркскомъ языковомъ типѣ, приходимъ къ заключенію, что типъ этотъ характеризуется схематической закономѣрностью, послѣдовательнымъ проведеніемъ небольшого числа простыхъ и ясныхъ основныхъ принциповъ, спаивающихъ рѣчь въ одно цѣлое. Сравнительная бѣдность и рудиментарность самого рѣчевого матеріала съ одной стороны, и подчиненіе всей рѣчи какъ въ звуковомъ, такъ и въ формальномъ отношеніи, схематической закономѣрности, — вотъ главныя особенности тюркскаго языкаго типа.

Послѣ языка наибольшее значеніе для характеристики даннаго національнаго типа имѣетъ народное искусство.

Въ области музыки тюркскіе народы представляютъ гораздо меньше единства, чѣмъ въ области языка: зная осман-

ность задана качествомъ гласной корня таш. Отъ слова ев „домъ“ всѣ аналогичныя производныя строятся т. сказ. въ другой тональности (именно „е — і“), задаваемой гласной коренного слова: ср. евджиклеримде „въ моихъ домикахъ“ и т. д.

1) Дѣло въ томъ, что предложенія относительныя и условноотносительныя выражаются причастными конструкціями, при чемъ самыя причастія рассматриваются какъ опредѣленія и, согласно общему правилу, ставятся передъ опредѣляемымъ словомъ: „я принесъ книгу, которую ты видѣлъ“ переводится „я тобой-видѣнную книгу принесъ“. Предложенія цѣли выражаются конструкціями съ склоняемымъ инфинитивомъ, который ставится въ дательномъ падежѣ и занимаетъ въ фразѣ обычное мѣсто, предназначенное для косвеннаго дополненія: „я принесъ книгу, чтобы ты ее прочелъ“ переводится „я къ тобой-прочтенію (къ твоему прочтенію) книгу принесъ“. Предложенія времени выражаются мѣстнымъ (locativus) или отложительнымъ (ablativus) падежемъ субстантивированнаго имени глагольнаго дѣйствія: напр. „когда я проходилъ, ты сидѣлъ“ переводится „ты въ моемъ прохожденіи (во время моего прохожденія) сидѣлъ“ и т. д. Наконецъ, чрезвычайно употребительны и разныя дѣепричастія, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣняютъ наши конструкціи съ союзомъ „и“: напр. „я пошелъ и вернулся“ переводится черезъ „я пойдя вернулся“ (по турецки бенгидипгельдим) и т. д. Словомъ, все что такъ или иначе можно подчинить одному подлежащему и одному сказуемому, втискивается въ рамки одного предложенія.

ско-турецкій языкъ можно безъ особаго труда понимать казанскій или башкирскій текстъ, но прослушавши одну за другой, сначала османско-турецкую, а потомъ казанско-татарскую или башкирскую мелодію приходишь къ убѣжденію, что между ними нѣтъ ничего общаго. Объясняется это, конечно, главнымъ образомъ различіемъ культурныхъ вліяній. Музыка османскихъ турокъ находится подъ подавляющимъ вліяніемъ музыки арабской съ одной стороны и греческой съ другой. Подавляющее вліяніе арабско-персидской музыки наблюдается также у крымскихъ и азербейджанскихъ татаръ. При опредѣленіи подлинно-тюркского музыкальнаго типа музыка турецкая, крымско-татарская и азербейджанская, особенно „городская“, въ расчетъ приниматься не можетъ. Если мы обратимся къ музыкѣ другихъ тюркскихъ народовъ, то увидимъ, что у большинства ихъ господствуетъ одинъ опредѣленный музыкальный типъ. Этотъ типъ, по которому строятся мелодіи волжско-уральскихъ, сибирскихъ, части туркестанскихъ и китайско-туркестанскихъ тюрковъ, характеризуется слѣдующими чертами. Мелодія строится на т. наз. безполутонно-пятитонномъ (иначе индокитайскомъ) звукорядѣ, т. е. какъ бы на мажорномъ звукорядѣ съ пропускомъ четвертой и седьмой ступени: напр., если въ мелодіи встрѣчаются тоны до, ре и ми, то въ ней могутъ встрѣчаться еще только соль и ля, но ни фа, ни фа-діэзъ, ни си, ни сибемоль встрѣчаться не могутъ. Ходы на полтона не допускаются совершенно. Хоровыя пѣсни поются въ унисонъ, многоголосіе неизвѣстно. Со стороны ритмической мелодія строится строго симметрично, т. е. дѣлится на части съ равнымъ числомъ тактовъ, при чемъ обычно самое число тактовъ въ каждой части мелодіи — 2, 4, 8 и т. д. Можно установить небольшое число основныхъ типовъ мелодій, изъ нихъ важнѣйшіе: — типъ мелодіи, построенной на нисходящей каденціи, т. е. основанной на чередованіи движенія вверхъ и движенія внизъ, при чемъ съ каждымъ разомъ верхній и нижній предѣлы движенія все понижаются, а амплитуда самага движенія сокращается; — 2. типъ мелодіи основанной на противопоставленіи двухъ частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ наибольшую музыкальную фразу, два раза повторенную, а вторая часть — двѣ разныя фразы, построенныя ритмически приблизительно одинаково и осуществляющія короткое нисходящее движеніе. Оба эти типа представляютъ между собой и нѣко-

торыя второстепенныя различія. Но, въ общемъ, оба типа подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ: гармоническому закону пятитоннаго звукоряда и ритмическому закону симметрическаго равенства частей и парной періодичности. Тюркскія пѣсни, сложенныя по этому образцу, отличаются особенной гармонической и ритмической ясностью и прозрачностью. Каждая такая мелодія представляетъ изъ себя одну или двѣ похожія другъ на друга и очень простыя музыкальныя фразы, но эти фразы могутъ повторяться до безконечности, образуя длинную и однотонную пѣсню.

Иначе говоря, здѣсь намѣчаются тѣ же основныя психологическія черты, которыя мы выше отмѣтили въ строѣ тюркскихъ языковъ: сравнительную бѣдность и рудиментарность матеріала и полное подчиненіе простымъ и схематичнымъ законамъ, спаивающимъ матеріалъ въ единое цѣлое и придающимъ этому цѣлому извѣстную схематическую ясность и прозрачность.

Относительно устной поэзіи тюркскихъ народовъ приходится сказать то же, что выше мы сказали о музыкѣ: если откинуть тѣ формы поэзіи мусульманскихъ тюрковъ, которыя явно навѣяны арабскими и персидскими образцами, то въ поэзіи разныхъ тюркскихъ народовъ намѣчаются черты одного общаго типа.

Такъ какъ въ большинствѣ тюркскихъ языковъ различія между долгими и краткими гласными не существуетъ, а удареніе, фиксированное на послѣднемъ слогѣ слова не сознается говорящими какъ смыслообразующій („фонологическій“) факторъ языка, то тюркское стихотвореніе построено на числѣ слоговъ, т. е. является „силлабическимъ“: точнѣе говоря, стихосложеніе это основано на правильномъ повтореніи „слово-раздѣловъ“ (границы между двумя сосѣдними словами) черезъ промежутки, заполненные опредѣленнымъ числомъ слоговъ. Звуковое однообразіе начала и конца тюркскихъ словъ, вызванное послѣдовательно проведенными и регулируемыми всю тюркскую рѣчь звуковыми законами, значительно облегчаетъ пользованіе качественнымъ ритмомъ, т. е. присоединеніе къ основному силлабическому принципу стихосложенія еще и второго, подсобнаго принципа, въ видѣ повторенія въ началѣ или въ концѣ cadaго метрическаго сегмента звуковъ одинаковаго качества. И дѣйствительно, въ поэзіи большинства тюркскихъ

народовъ существуетъ либо аллитераціи, либо риѣмы. При этомъ, сообразно со свойствами тюркскихъ языковъ, подчиняющихъ гласныя слова законамъ гармоніи, гласныя при аллитераціи и при риѣмѣ играютъ незначительную роль: биринджи „первый“ можетъ риѣмовать съ онунджу „десятый“. На ряду съ ритмомъ внѣшнимъ, ритмомъ звуковъ, существуетъ и ритмъ внутренней, ритмъ значеній. Тюркская поэзія имѣетъ рѣшительную склонность къ параллелизму. Поэтическія произведенія нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ всецѣло построены на принципѣ параллелизма. Всѣ стихи группируются парами, причемъ второй стихъ въ каждой парѣ повторяетъ содержаніе перваго другими словами; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда первый и второй стихъ не тождественны по содержанію, они все таки построены по одинаковой синтаксической схемѣ, такъ что остается по крайней мѣрѣ формальный, синтаксическій параллелизмъ. Дѣло въ принципѣ, конечно, не мѣняется, когда стихи группируются не по два, а по четыре, и когда параллелизмъ существуетъ не между двумя сосѣдними стихами, а между первой и второй половиной одного четверостишія.

Въ отношеніи поэтическаго творчества отдѣльные тюркскіе народы представляютъ довольно различные типы. У однихъ (напр. у казанскихъ татаръ) господствуютъ короткія четверостишія съ довольно слабой смысловой связью между первой и второй частью (вродѣ русскихъ частушекъ), но все же съ ясной выраженной тенденціей хотя бы къ синтаксическому параллелизму. У другихъ племенъ находимъ двустишія или симметрично построенныя четверостишія съ параллелизмомъ, доходящимъ до тавтологіи. Наконецъ, извѣстны и длинныя, б. ч. эпическія пѣсни: но и онѣ строятся строфически, съ подчиненіемъ каждой строфы принципу параллелизма, а нерѣдко и съ объединеніемъ нѣсколькихъ строфъ въ одну симметрично-параллелистическую фигуру. Между внѣшними и внутренними особенностями тюркскаго стихосложенія существуетъ неразрывная связь: риѣма и аллитерація неразрывно связаны съ принципомъ смысловаго и синтаксическаго параллелизма (б. ч. риѣмуютъ одинаковыя грамматическія окончанія частей предложенія, попадающихъ въ силу синтаксическаго параллелизма на одинаковыя мѣста въ двухъ смежныхъ стихахъ); а въ то же время, тѣ же риѣмы или аллитераціи, подчеркивая начало или конецъ стиха, способствуютъ ясности силлабическаго чле-

ненія и строфическаго построенія. Если ко всему этому прибавить, что число метровъ, употребляемыхъ въ тюркской поэзи, очень незначительно (стихи въ 7, 8, 11 и 12 слоговъ), что рѣшмы большею частью „грамматическія“, что параллелизмъ большею частью склоняется либо въ сторону полной смысловой тавтологіи, либо въ сторону исключительно синтаксической аналогіи, а болѣе сложныя образныя сравненія сравнительно рѣдки, — то мы получимъ достаточное представление о характерѣ тюркскаго поэтическаго творчества. Въ этомъ творествѣ мы видимъ опять тѣ же психологическія черты, которыя уже отмѣтили въ языкѣ и въ музыкѣ: сравнительную бѣдность средствъ, при замѣчательно послѣдовательной законмѣрности и схематичной ясности построенія.

Итакъ, разсмотрѣніе строя тюркскихъ языковъ, тюркской музыки и тюркской поэзи привело насъ къ установленію извѣстныхъ особенностей тюркской психологіи, выступающихъ во всѣхъ этихъ проявленіяхъ національнаго творчества. Въ другихъ областяхъ духовной культуры тюрковъ сквозятъ тѣ же психологическія особенности. Въ отношеніи религіозной жизни тюрки не отличаются активностью. Большая часть тюркскихъ племенъ въ настоящее время исповѣдуетъ исламъ, въ древности были тюрки — буддисты (уйгуры) и юдаисты (хазары). Тюркскіе племена, сохранившіе національную языческую вѣру сейчасъ немногочисленны. Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаютъ алтайцы. Религія этихъ послѣднихъ (поскольку они еще сохраняютъ язычество) проникнута идеей дуализма, и любопытно, что дуализмъ этотъ возведенъ въ послѣдовательную, педантически-симметричную систему. Здѣсь мы слѣдовательно, опять встрѣчаемся съ тѣмъ рудиментарнымъ схематизмомъ, который уже отмѣчали въ языкѣ, въ музыкѣ и въ поэзи. Въ язычествѣ якутскомъ и чувашскомъ находимъ въ общемъ ту же дуалистическую тенденцію, но проведенную менѣе послѣдовательно и схематично, чѣмъ у алтайцевъ.

Въ обычномъ правѣ, въ частности въ системѣ родоваго строя, специфическія черты тюркской психологіи тоже отражаются, но въ этой области схематизмъ связанъ такъ сказать съ существомъ дѣла, проявляется и у многихъ другихъ народовъ, такъ что явленіе это не является характернымъ. Все же нельзя не отмѣтить, что тюркское обычное право въ общемъ всегда оказывается болѣе разработаннымъ и болѣе систематично

построеннымъ, чѣмъ обычное право другихъ племень той же географической зоны (за исключеніемъ монголовъ).

3

Такимъ образомъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что во всемъ духовномъ творествѣ тюрковъ господствуетъ одна основная психическая черта: ясная схематизація сравнительно небогатаго и рудиментарнаго матеріала. Отсюда позволительно сдѣлать выводы и о самой тюркской психологіи. Типичный тюркъ не любитъ вдаваться въ тонкости и въ запутанныя детали. Онъ предпочитаетъ оперировать съ основными, ясно воспринимаемыми образами, и эти образы группировать въ ясныя и простыя схемы. Однако слѣдуетъ остерегаться отъ возможныхъ неправильныхъ толкованій этихъ положеній. Такъ ошибочно было бы думать, что тюркскій умъ особенно былъ бы склоненъ къ схематическому отвлеченію. Конкретныя этнографическія данныя, изъ которыхъ мы извлекли указаніе на характеръ тюркскаго психическаго типа, не даютъ намъ основаній для подобнаго заключенія. Вѣдь тѣ схемы, на которыхъ, какъ мы видѣли, строится тюркское духовное творчество, отнюдь не являются продуктомъ философской абстракціи и даже вовсе не носятъ характера чего то нарочито обдуманнаго. Наоборотъ, онѣ — подсознательны и существуютъ въ психикѣ какъ неосознанная причина той психической инерціи, благодаря которой всѣ элементы психическаго матеріала сами собой укладываются именно въ такомъ, а не въ иномъ порядкѣ: это возможно, благодаря особенной элементарности и простотѣ этихъ схемъ. Съ другой стороны, ошибочно было бы думать, чтобы шорность или схематичность тюркской психологіи препятствовала широкому размаху и полету фантазіи. Содержаніе эпическихъ преданій тюркскихъ племень рѣшительно противорѣчитъ такому представленію. Тюркская фантазія не бѣдна и не робка, въ ней есть смѣлый размахъ, но размахъ этотъ рудиментаренъ: сила воображенія направлена не на детальную разработку, не на нагроможденіе разнообразныхъ подробностей, а такъ сказать на развитіе въ ширину и въ длину; картина рисуемая этимъ воображеніемъ не пестритъ разнообразіемъ красокъ и переходныхъ тоновъ, а написана въ основныхъ тонахъ, широкими, порой даже колоссально широкими мазками. Это

стремленіе къ разростанію въ ширь, глубоко характерное для тюркского творчества, внутренне обусловлено тѣми же основными чертами тюркской психики. Мы видѣли, что самое длинное тюркское слово (напр. османско-турецкое *в у р у ш т у р а м а м ы ш ы д ы н ы з* „вы не заставили ихъ побить другъ друга“) построено по тѣмъ же звуковымъ и этимологическимъ законамъ, какъ и самое короткое, что самый длинный періодъ строится по тѣмъ же синтаксическимъ правиламъ, какъ и короткое простое предложеніе, что въ самой длинной пѣснѣ господствуютъ тѣ же композиціонныя правила, что и въ короткой, что длинныя поэмы построены на тѣхъ же правилахъ, какъ и короткія двустішія. Благодаря элементарности матеріала и отчетливой простотѣ схемъ, построеніе можетъ легко растягиваться до произвольно большихъ размѣровъ. И въ этомъ растяженіи воображеніе тюрка находитъ удовлетвореніе.

Описанная психологія типичнаго тюрка опредѣляетъ собой и жизненный укладъ и міросозерцаніе носителей этой психологіи. Тюркъ любитъ симметрію, ясность и устойчивое равновѣсіе; но любитъ, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это опредѣляло по инерціи его мысли, поступки и образъ жизни: разыскивать и создавать тѣ исходныя и основныя схемы, на которыхъ должны строиться его жизнь и міросозерцаніе, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскиваніе всегда связано съ острымъ чувствомъ отсутствія устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда такъ охотно брали готовыя чужія схемы, принимали иноземныя вѣрованія. Но, конечно, не всякое чужое міросозерцаніе приемлемо для тюрка. Въ этомъ міросозерцаніи непремѣнно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, въ которую можно вложить все, весь міръ во всей его конкретности. Разъ увѣровавъ въ опредѣленное міросозерцаніе, превративъ его въ подсознательный законъ, опредѣляющій все его поведеніе, въ универсальную схему, и достигнувъ такимъ образомъ состоянія устойчиваго равновѣсія на ясномъ основаніи, — тюркъ на этомъ успокаивается и крѣпко держится за свое вѣрованіе. Смотри на міросозерцаніе именно какъ на невыблемое основаніе душевнаго и бытового равновѣсія, тюркъ въ самомъ міросозерцаніи проявляетъ косность и упрямый консерватизмъ. Вѣра, попавшая въ тюркскую среду, неминуемо застываетъ и кристаллизуется, ибо она тамъ призвана играть

роль неизбежнаго центра тяжести — главнаго условія устойчиваго равновѣсія.

На этой особенноти тюркской психологіи основано странное явленіе: притяженіе между психикой тюркской и семитской. Трудно найти двѣ болѣе различныя, прямо противоположныя другъ другу психики. Можно показать опять таки на основаніи конкретных этнографическихъ данныхъ, языка, музыки, поэзіи, орнамента, что психологія семита разительно противоположна психологіи тюрка. И тѣмъ не менѣе, не случайно, что большинство тюрковъ — магометане и что тюрки-хазары были единственнымъ въ исторіи не-семитскимъ народомъ, сдѣлавшимъ своей государственной религіей юдаизмъ. Семить, выискивающей противорѣчія, находящей особое удовольствіе въ обнаруженіи противорѣчій и въ казуистическомъ ихъ преодолѣніи, любящей ворошиться въ сложно переплетенныхъ и запутанныхъ тонкостяхъ, — и тюркъ, болѣе всего ненавидящей тревожное чувство внутренняго противорѣчія и безпомощный въ его преодолѣніи: это двѣ натуры не только не сходныя, но и прямо другъ другу противоположныя. Но въ этой противоположности и причина притяженія: семить дѣлаетъ за тюрка ту работу, на которую самъ тюркъ не способенъ, — преодолеваетъ противорѣчія и подноситъ тюрку рѣшеніе (пусть казуистическое) свободное отъ противорѣчій. И не мудрено поэтому, что, ища необходимой базы для устойчиваго равновѣсія, тюркъ постоянно выбираетъ такой базой плодъ творчества семитскаго духа. Но заимствуя этотъ плодъ чуждаго духа, тюркъ сразу упрощаетъ его, воспринимаетъ его статически, въ готовомъ видѣ, и, превративъ его въ одно лишь неизбежное основаніе своей душевной и внѣшней жизни, разъ на всегда мумифицируетъ его, не принимая никакого участія въ его внутреннемъ развитіи. Такъ тюрки не дали исламу ни одного сколько нибудь крупнаго богослова, юриста или мыслителя: они приняли исламъ какъ завершенное данное.

4

Обрисованная нами выше психологическая характеристика тюркскаго племени въ общихъ чертахъ можетъ разсматриваться и какъ характеристика всѣхъ „туранцевъ“ или „уралоалтайцевъ“. Монголы въ этнопсихологическомъ отношеніи составляютъ

сть тюрками одно цѣлое. Все, что выше сказано было о типическихъ чертахъ тюркскихъ языковъ, тюркской музыки, поэзіи, обычнаго права, о направленіи тюркской фантазіи, міровоззрѣніи и укладѣ жизни, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо и къ монголамъ; только у монголовъ всѣ эти типическія черты выступаютъ еще болѣе рѣзко, чѣмъ у тюрковъ. Случаевъ притяженія между монгольской и семитской психологіей въ силу историческихъ причинъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, монголы такъ же какъ и тюрки, заимствуютъ въ качествѣ базы своего міровоззрѣнія и бытового уклада готовый результатъ чужого духовнаго творчества; только источникъ заимствованія здѣсь не семитскій исламъ, какъ у тюрковъ, а индійскій буддизмъ, въ китайско-тибетской передачѣ. Если тюрки, какъ было сказано выше, мумифицировали и заморозили исламъ и не приняли никакого участія во внутреннемъ развитіи мусульманской мысли то еще болѣе это можно сказать объ отношеніи монголовъ къ буддизму.

Если монголы, такимъ образомъ, отличаются отъ тюрковъ болѣе рѣзкимъ проявленіемъ всѣхъ типическихъ чертъ туранской психологіи, то объ у г р о ф и н н а хъ слѣдуетъ сказать какъ разъ обратное. Черты туранской психологіи ясно проявляются и у угрофинновъ, но всегда въ болѣе слабой степени, чѣмъ у тюрковъ. Финскіе языки, въ общемъ, построены на тѣхъ же основныхъ принципахъ, что и тюркскіе, но принципы эти проведены менѣе послѣдовательно ¹⁾).

Неправильности и „исключенія“ въ каждомъ языкѣ неизбежно происходятъ въ силу бессознательныхъ механическихъ измѣненій претерпѣваемыхъ каждымъ языкомъ въ теченіе его

¹⁾ Прежде всего самый языковой матеріалъ, инвентарь звуковъ и формъ въ угрофинскихъ языкахъ менѣе рудиментаренъ, болѣе разнообразенъ, чѣмъ въ тюркскихъ: есть финскіе языки съ довольно богатой звуковой системой, во всѣхъ финскихъ языкахъ довольно много падежей, многіе финскіе языки имѣютъ довольно сложныя системы спряженія, напр. выражаютъ личными окончаніями не только подлежащее, но и прямое дополненіе глагола. Съ другой стороны основныя законы, опредѣляющіе построеніе словъ проведены съ неполной послѣдовательностью: законы гармоніи гласныхъ и употребленія согласныхъ не такъ ясны, а главное, не такъ детализованы, какъ въ тюркскихъ языкахъ; изъ закона о единствѣ окончанія есть цѣлый рядъ исключеній, т. е. такихъ случаевъ, гдѣ два грамматическія окончанія комбинируются вмѣстѣ; въ нѣкоторыхъ финскихъ языкахъ допускаются при глаголахъ, кромѣ суффиксовъ и префиксы (приставки) и т. д.

исторіи и связанныхъ съ самой природой историческаго развитія языка: всякая болѣе древняя стадія развитія языка всегда болѣе „правильна“, чѣмъ стадія новѣйшая. Но духъ подчиненія живой рѣчи подсознательнымъ схематическимъ законамъ въ тюркскихъ языкахъ настолько силенъ, что совершенно нейтрализуетъ это разрушительное дѣйствіе историческихъ процессовъ; потому то грамматики современныхъ тюркскихъ языковъ не знаютъ (или почти не знаютъ) „исключеній“ и потому то отдѣльные современные тюркскіе языки такъ похожи другъ на друга. Въ угрофинскихъ языкахъ этотъ сдерживающій духъ ясной законѣрности оказался гораздо слабѣе; поэтому грамматики нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ (напр. языка собственно финскаго „суоши“) пестрятъ исключеніями, и отдѣльные угрофинскіе языки существенно отличаются другъ отъ друга. Другое отличіе угрофинской психики отъ тюркской состоитъ въ томъ, что финское творчество всегда обладаетъ, такъ сказать, меньшимъ размахомъ, чѣмъ тюркское ¹⁾. Наконецъ, сравнивая угрофинскіе языки и проявленія духовной культуры съ тюркскими, убѣждаешься въ томъ, что угрофинны психически и культурно гораздо пассивнѣе тюрковъ. Въ словаряхъ тюркскихъ языковъ слова заимствованные изъ другихъ языковъ всегда имѣются, но эти слова большею частью заимствованы не у какихъ либо сосѣдей, съ которыми тюрки приходили въ непосредственное соприкосновеніе, а у народовъ, культура которыхъ повліяла на культуру даннаго тюркскаго племени такъ сказать „изъ далека“, въ порядкѣ иноземной моды: поэтому

¹⁾ Это положеніе наглядно иллюстрируется и символизируется музыкой. Есть всякія основанія утверждать, что основнымъ угрофинскимъ звукорядомъ является звукорядъ, состоящій изъ пяти первыхъ нотъ мажорной гаммы: на этомъ звукорядѣ и до сихъ поръ строятся пѣсни вогуловъ и остяковъ, древнѣйшія пѣсни другихъ угрофинскихъ народовъ, и наиболѣе архаичные гуслеобразные струнные инструменты, какъ западныхъ финновъ („кантеле“), такъ и у вогуловъ и остяковъ („сангульдап“) представляютъ пять струнъ, настроенныхъ въ томъ же звукорядѣ. Если припомнить сказанное выше о тюркскихъ мелодіяхъ, то сравненіе этихъ мелодій съ угрофинскими можетъ быть выражено такъ: и въ тѣхъ и въ другихъ участвуютъ только пять тоновъ, но въ то время, какъ въ тюркскихъ мелодіяхъ эти пять тоновъ располагаются въ предѣлахъ по крайней мѣрѣ октавы, типичныя угрофинскія мелодіи движутся въ предѣлахъ квинты. При непосредственномъ воспріятіи типичныя угрофинскія мелодіи производятъ впечатлѣніе стѣсненности и, особенно по сравненію съ тюркскими, поражаютъ отсутствіемъ всякаго размаха.

такихъ словъ въ литературномъ языкѣ всегда гораздо больше чѣмъ въ народномъ. Въ турецкомъ народномъ языкѣ есть довольно много арабскихъ и персидскихъ словъ, но словъ греческихъ, армянскихъ или славянскихъ почти нѣтъ. За то въ языкахъ всѣхъ тѣхъ народовъ, съ которыми тюрки приходили въ соприкосновеніе, всегда масса тюркскихъ словъ. Совершенно иную картину въ этомъ отношеніи представляютъ языки угрофиннскіе: ихъ словари положительно пестрятъ словами, заимствованными въ самое различное время, начиная съ глубокой древности и до новѣйшаго времени, у всѣхъ народовъ, съ которыми угрофинны когда либо приходили въ соприкосновеніе. Въ тоже время вліяніе самихъ угрофиннскихъ языковъ на словари народовъ, входившихъ съ ними въ соприкосновеніе, поразительно слабо: не смотря на многовѣковое сожительство великоруссовъ съ угрофиннами, въ великорусскомъ языкѣ можно указать лишь самое малое число финнскихъ словъ, да и то обычно не выходящихъ за предѣлы какого нибудь географически ограниченнаго областного словаря; нѣсколько больше оказалъ вліянія на сосѣдніе славянскіе языки языкъ мадарскій, но, главнымъ образомъ, въ сравнительно позднее время, и во всякомъ случаѣ, число славянскихъ словъ, усвоенныхъ самимъ мадарскимъ языкомъ гораздо больше, чѣмъ число мадарскихъ словъ, вошедшихъ напр. въ языкъ сербо-хорватскій¹⁾. Та же пассивность, та же открытость иноплеменному вліянію наблюдается и во всѣхъ сторонахъ духовной культуры угрофинновъ: отмѣтимъ вліяніе славянское, въ частности русское, сверхъ того у волжско-камскихъ и зауральскихъ угрофинновъ — вліяніе тюркское, у угрофинновъ западныхъ — вліяніе „балтійское“ (латышско-литовское) и германское, въ болѣе древнія эпохи у всѣхъ угрофинновъ — вліяніе иранское и кавказское. При попыткѣ выдѣлить изъ культуры того или иного угрофиннскаго племени всѣ эти иноплеменные элементы и, такимъ образомъ, очистить чисто-угрофиннское ядро этой культуры, изслѣдователь за частую остается почти съ пустыми руками. И все же, не смотря на это непрерывное заимствованіе отовсюду, культура отдѣльныхъ угрофиннскихъ племенъ носитъ своеобразный характеръ, явственно отличаясь отъ культуры тѣхъ народовъ,

¹⁾ Только на словарь самоѣдскихъ языковъ угрофиннское вліяніе оказалось значительнымъ, но при этомъ и сами угрофиннскіе языки (зырянскій, вогульскій, остяцкій) не остались чужды обратному самоѣдскому вліянію.

отъ которыхъ производились заимствованія. Своеобразіе это зависитъ прежде всего отъ того, что разъ позаимствовавъ у даннаго народа какой нибудь элементъ культуры, угрофинны сохраняютъ этотъ элементъ въ болѣе древнемъ, архаическомъ видѣ, чѣмъ тотъ видъ, въ которомъ этотъ элементъ сохраняется у его первоначальнаго носителя: такъ, мордва сохранила много заимствованныхъ у великоруссовъ элементовъ культуры, которые у самихъ великоруссовъ либо подверглись полному забвенію, либо измѣнились почти до неузнаваемости, и о славянскомъ происхожденіи которыхъ можно заключать только по тому, что они еще бытуютъ у нѣкоторыхъ другихъ славянъ. Во вторыхъ, своеобразіе происходитъ также и отъ того, что угрофинны синтезируютъ элементы заимствованные изъ нѣсколькихъ разнородныхъ культуръ. Наконецъ, если заимствуются мотивы и, такъ сказать, матеріаль построенія культурныхъ цѣнностей, то самые методы этого построенія и психологическія основанія формъ творчества у угрофинновъ остаются своими, туранскими. — Въ общемъ, можно сказать, что угрофинны сохраняютъ всѣ типическія черты туранской психики, но въ нѣсколько смягченномъ видѣ и при меньшей психической активности, чѣмъ турки и монголы.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что генетическое родство между отдѣльными семействами „уралоалтайскихъ“ или „туранскихъ“ языковъ болѣе чѣмъ сомнительно, и что отдѣльные туранскіе народы во многихъ отношеніяхъ существенно отличаются другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе, можно говорить о единомъ туранскомъ этнопсихологическомъ типѣ, по отношенію къ которому этнопсихологическій типъ тюркскій, монгольскій и угрофинскій являются оттѣнками или вариантами.

5

Для отвѣта на вопросъ, какъ и въ чемъ туранскій психологическій типъ можетъ отражаться въ русскомъ національномъ характерѣ, и какое значеніе имѣли черты туранской психики въ русской исторіи, надо прежде всего ясно и конкретно представить себѣ туранскій психологическій типъ въ примѣненіи къ жизни отдѣльнаго человѣка. Сдѣлать это можно исходя изъ даннаго выше опредѣленія туранскаго психологическаго типа.

Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствіемъ. Не только его мышленіе, но и все воспріятіе дѣйствительности укладывается самой собой въ простыя и симметричныя схемы его, такъ сказать, „подсознательной философской системы“¹⁾. Въ схемы той же подсознательной системы укладываются также всѣ его поступки, поведеніе и бытъ. При въ подсознаніе, сдѣлалась основой всей душевной жизни²⁾. Благодаря этому, нѣтъ разлада между мыслью и внѣшней дѣйствительностью, между догматомъ и бытомъ. Внѣшнія впечатлѣнія, мысли, поступки и бытъ сливаются въ одно монолитное нераздѣлимое цѣлое. Отсюда — ясность, спокойствіе и такъ сказать самодовлѣніе. Практически это состояніе устойчиваго равновѣсія, при условіи нѣкоторой пониженной психической активности, можетъ привести къ полной неподвижности, къ косности. Но это отнюдь не обязательно, ибо тѣ же черты вполне соединимы и съ психической активностью. Устойчивость и стройность системы не исключаютъ дальнѣйшаго творчества, но, разумѣется, это творчество регулируется и направ-

1) Вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ парадоксальности этого термина, мы все таки рѣшаемся его примѣнять, за неимѣніемъ лучшаго.

2) Важно, чтобы система стала именно подсознательной. Въ тѣхъ случаяхъ, когда система, въ простыя и ясныя схемы которой должно укладываться все (внѣшній міръ, мысли, поведеніе, бытъ), осознается какъ таковая и постоянно пребываетъ въ полѣ сознанія, она превращается въ „навязчивую идею“ (idée fixe), а человѣкъ, одержимый ею — въ маниака фанатика, лишеннаго всякой душевной ясности и спокойствія. Это бываетъ тогда, когда система неуклюжа и плоха, такъ что бытіе въ нее укладывается не само собой, а путемъ насилія надъ природой. Такой случай возможенъ, если человѣкъ туранскаго типа почему-либо откажется отъ той удобной, выработанной постепенными усиліями многихъ поколѣній системы міровозрѣнія и быта, которой живутъ другіе его соплеменники и попробуетъ самъ создать совершенно новую систему. Не будучи способенъ плодотворно мыслить (а слѣдовательно и искать новую систему) безъ наличія въ подсознаніи уже готоваго твердаго устоя, такой человѣкъ большею частью создаетъ именно плохую, неудобную систему, топорно переработавъ и упростивъ какую нибудь чужую. Случай этотъ, разумѣется, рѣдкій, и вслѣдствіе неудобства той системы, которую создаютъ подобные люди, система эта у другихъ людей туранскаго типа обычно не имѣетъ успѣха. При особенно сильномъ темпераментѣ и при исключительной одаренности, создателямъ такихъ доморощенныхъ системъ — idées fixes удается собрать вокругъ себя развѣ только не большую секту такихъ же фанатиковъ этой „идеи“, какъ они сами.

ляется теми же подсознательными устоями, и, благодаря этому, самые продукты такого творчества сами собой, естественно входят въ ту же систему міровоззрѣнія и быта, не нарушая ея общей стройности и цѣльности.

Что касается до соціальной и культурной цѣльности людей туранскаго психологическаго типа, то ее нельзя не признать положительной. Туранская психика сообщает націи культурную устойчивость и силу, утверждаетъ культурно-историческую преемственность и создаетъ условія экономіи національныхъ силъ, благоприятствующія всякому строительству¹⁾. Успѣшность этого строительства, разумѣется, зависитъ отъ степени одаренности и психической активности данной націи, степень же эта можетъ быть различна, и между туранскимъ психологическимъ типомъ, какъ извѣстной формой душевной жизни, и какой-нибудь опредѣленной степенью одаренности или активности никакой обязательной связи нѣтъ. Утверждая соціальную и культурно-историческую цѣльность туранскаго психологическаго типа, мы только утверждаемъ, что при каждой данной степени одаренности и психической активности туранскій психологическій типъ создаетъ для развитія націи опредѣленные благоприятныя условія.

6

Положительная сторона туранской психики несомнѣнно сыграла благотворную роль и въ русской исторіи. Проявленія именно этого нормальнаго аспекта туранской психики нельзя

¹⁾ Разумѣется это относится только къ нормальному аспекту туранской психики. Люди туранскаго психологическаго типа, но съ системой, невмѣщающей въ себя безъ насилія ни внѣшняго міра, ни мыслей, ни поведения, ни быта, словомъ тѣ основатели сектъ, о которыхъ говорилось въ предъидущемъ примѣчаніи, — соціально вредны. Своимъ сектантствомъ они разрушаютъ, а не создаютъ національное единство. Ихъ творчество, основанное на упрямомъ стремленіи согласовать воспріятіе дѣйствительности, мораль и бытъ съ предвзятой и неуклюже-упрощенной схемой, вносить въ культуру элементы весьма сомнительной цѣльности. Благодаря своему неумолимому фанатизму, разжигаемому, вѣчно сверлящей мозгъ навязчивой идеей, они разрушаютъ гораздо больше, чѣмъ созидаютъ, и то, что они разрушаютъ или хотятъ разрушить обычно гораздо цѣниже всего, что они могутъ предложить взамѣнъ. — Но, не слѣдуетъ забывать, что такіе люди составляютъ исключенія и среди настоящихъ туранцевъ встрѣчаются рѣдко.

не замѣтить въ допетровской московской Руси. Весь укладъ жизни, въ которомъ вѣроисповѣданіе и бытъ составляли одно („бытовое исповѣдничество“), въ которомъ и государственныя идеологіи, и матерьяльная культура, и искусство, и религія были нераздѣльными частями единой системы, системы теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тѣмъ не менѣе пребывающей въ подсознаніи каждаго и опредѣляющей собой жизнь каждаго и бытіе самого національнаго цѣлаго, — все это несомнѣнно носить на себѣ отпечатокъ туранскаго психическаго типа. А вѣдь это именно и было то, на чемъ держалась старая Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Если нѣкоторые поверхностные иностранные наблюдатели не замѣчали въ древней Руси ничего, кромѣ раболѣпія народа передъ агентами власти, а этихъ послѣднихъ — передъ царемъ, то наблюденіе это было несомнѣнно не вѣрнымъ. Безпрекословное подчиненіе есть основа туранской государственности, но оно идетъ, какъ и все въ туранскомъ мышленіи, послѣдовательно, до конца, и распространяется въ идеѣ и на самого верховнаго правителя, который непременно мыслится какъ безпрекословно подчиненный какому нибудь высшему принципу, являющемуся въ то же время руководящей основой и жизни каждаго подданнаго. Въ древней Руси такимъ управляющимъ принципомъ была Православная Вѣра, понимаемая какъ органическое соединеніе религіозныхъ догматовъ и обрядовъ съ особой православной культурой, частнымъ проявленіемъ которой былъ и государственный строй съ его іерархической лѣстницей; и именно этотъ высшій принципъ, одинаковый какъ для каждаго подданнаго, такъ и для самого царя, а, конечно, не принципъ голага рабства спаялъ Русь въ одно цѣлое и управлялъ ею. Православная Вѣра въ древнерусскомъ пониманіи этого термина была именно той рамкой сознанія, въ которую само собой укладывалось все, частная жизнь, государственный строй и бытіе вселенной. И въ томъ, что эта рамка сознанія не была предметомъ сознательнаго теоретическаго мышленія, а подсознательной базой всей душевной жизни, — нельзя не усмотрѣть извѣстную аналогію съ тѣмъ, что выше было сказано о нормальномъ аспектѣ туранской психики. Пусть самое Православіе было воспринято русскими не отъ туранцевъ, а отъ Византіи, пусть оно даже прямо противопоставлялось въ русскомъ національномъ сознаніи та-

таршинъ, — все-таки, самое отношеніе русскаго человѣка къ Православной вѣрѣ и самая роль, которую эта вѣра играла въ его жизни, были въ опредѣленной части основаны на туранской психологіи. Именно въ силу туранскихъ чертъ своей психики древнерусскій человѣкъ не умѣлъ отдѣлять своей вѣры отъ своего быта, сознательно выдѣлять изъ проявленій религіи несущественные элементы, и именно поэтому онъ оказывался такимъ слабымъ богословомъ, когда встрѣчался съ греками. То психологическое различіе между русскимъ и греческимъ подходомъ къ вѣрѣ и къ обряду, которое такъ ярко проявилось въ эпоху возникновенія раскола, было слѣдствіемъ именно того обстоятельства, что въ древнерусскомъ національномъ характерѣ глубоко укоренились туранскіе этно-психологическіе элементы, совершенно чуждые Византіи.

Московское государство возникло, благодаря татарскому игу. Московскіе цари далеко не закончивъ еще „собиранія русской земли“, стали собирать земли западнаго улуса великой монгольской монархіи: Москва стала мощнымъ государствомъ лишь послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири¹⁾. Русскій царь явился наслѣдникомъ монгольскаго хана. „Сверженіе татарскаго ига“ свелось къ замѣнѣ татарскаго хана православнымъ царемъ и къ перенесенію ханской ставки въ Москву. Даже персонально значительный процентъ бояръ и другихъ служилыхъ людей московскаго царя составляли представители татарской знати. Русская государственность въ одномъ изъ своихъ истоковъ произошла изъ татарской, и врядъ ли правы тѣ историки, которые закрываютъ глаза на это обстоятельство или стараются преуменьшить его значеніе²⁾. Но,

1) Народная эпическая традиція прямо съ этого момента и ведетъ начало московской государственности: „з а ч и н а л а с я каменна Москва, зачинался грозный царь Иванъ Васильевичъ“. Все, что до Ивана Грознаго, покорившаго Казань, Астрахань и Сибирь, народная традиція относитъ къ легендарной эпической старинѣ, къ эпохѣ о б щ е - к н я з я Владиміра. Даже такое событіе, какъ отказъ Ивана III платить дань татарамъ, попало въ былинку (о Василии Казиміровичѣ), въ которой „стольнымъ городомъ“ является традиціонный Кіевъ, а княземъ — Владиміръ.

2) Будучи по специальности лингвистомъ и этнографомъ, а не историкомъ, пишущій эти строки не рѣшается уклоняться въ чуждую ему научную область. Все же, хочется отмѣтить, что появившіеся въ русскомъ языкѣ со временемъ татарскаго ига термины вродѣ: деньга, алтынъ, казна, тамга, (откуда: тамо ж н я), ямъ (откуда: ямская гоньба, ямщи-

если такое игнорированіе татарскаго источника русской государственности оказывается возможнымъ, то, конечно, потому, что во внутреннемъ содержаніи и въ идеологическомъ оправданіи русской государственности ярко выступаютъ элементы, не находящіе прямыхъ аналогій въ татарской государственности: это — православіе и византійскія традиции. Чудо превращенія татарской государственности въ русскую осуществилось, благодаря напряженному горѣнію религіознаго чувства, благодаря православно - религіозному подъему, охватившему Россію въ эпоху татарскаго ига. Это религіозное горѣніе помогло древней Руси облагородить татарскую государственность, придать ей новый религіозно-этической характеръ и сдѣлать ее своей. Произошло обрусѣніе и оправославленіе татарщины, и московскій царь, оказавшійся носителемъ этой новой формы татарской государственности, получилъ такой религіозно-этической престижъ, что передъ нимъ поблекли и уступили ему мѣсто всѣ остальные ханы западнаго улуса. Массовый переходъ татарской знати въ православіе и на службу къ московскому царю явился внѣшнимъ выраженіемъ этой моральной притягательной силы.

Но если, такимъ образомъ, въ московской Руси туранская по своему происхожденію государственность и государственная идея оправославилась, получила христіанское религіозное освященіе и идеологически связалась съ византійскими традиціями, то возникаетъ вопросъ: не произошло ли одновременно и обратнаго явленія, т. е. извѣстной „туранизаціи“ самой византійской традиціи и проникновенія чертъ туранской психики въ саму русскую трактовку православія? Московская Русь, несмотря на всю силу и напряженность религіознаго горѣнія, опредѣлявшаго не только ея бытіе, но и самое ея возникновеніе, не дала ни одного православнаго богослова, совершенно такъ же, какъ турки не дали ни одного сколько нибудь выдающагося мусульманскаго богослова, хотя всегда были на

на, ямской и т. д.) — татарскаго происхожденія. Это ясно указываетъ на то, что въ такихъ важныхъ функціяхъ государства, какъ организація финансовъ и почтовыхъ сообщеній, татарское вліяніе было рѣшающимъ. При сравненіи административныхъ особенностей Московскаго государства съ идеями Чингисъ-хана, легшими въ основу организаціи его государства, нѣкоторыя аналогіи напрашиваются сами собой. Эти вопросы заслуживаютъ детальной разработки историковъ-спеціалистовъ.

божнѣ арабовъ. Здѣсь сказываются общія черты религіозной психологіи: и тамъ и здѣсь догматъ вѣры разсматривается какъ данное, какъ основной фонъ душевной жизни и внѣшняго быта, а не какъ предметъ философской спекуляціи; и тамъ и здѣсь религіозное мышленіе отличается отсутствіемъ гибкости, пренебреженіемъ къ абстрактности и стремленіемъ къ конкретизаціи, къ воплощенію религіозныхъ переживаній и идей въ формахъ внѣшняго быта и культуры. вмѣсто сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы въ древней Руси получила нѣкоторая, словами невыраженная, „подсознательная философская система“, стройная, несмотря на свою формальную неосознанность, и нашедшая выраженіе не въ богословскихъ трактатахъ, а во всемъ житейскомъ укладѣ, на ней покоящемся. Этимъ русская религіозность отличалась отъ греческой, несмотря на свое догматическое тождество съ этой послѣдней и сближалось съ туранской, съ которой догматическаго сходства не было и быть не могло.

Не подлежитъ сомнѣнію, что свойственное древнерусскому благочестію пренебреженіе къ абстракціи и отсутствіе православнобогословскаго творчества было недостаткомъ этого благочестія по сравненію съ греческимъ. Но, въ то же время, нельзя не признать, что то „бытовое исповѣдничество“, та пропитанность культуры и быта религіей, которыя были слѣдствіемъ особыхъ свойствъ древне-русскаго благочестія, были плюсомъ, а не минусомъ. Очевидно, „и сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять“. Извѣстная гипертрофія туранскихъ психологическихъ чертъ вызвала въ русской набожности косность и неповоротливость богословскаго мышленія, и отъ этихъ недостатковъ надлежало избавиться ¹⁾. Но это ничуть не пре-

¹⁾ Исправиться отъ этого недостатка тѣмъ легче, что самая гипертрофія тѣхъ туранскихъ психическихъ свойствъ, на которыхъ этотъ недостатокъ основанъ, коснулась не всего русскаго племени, а только одной его части, именно великорусской. Малороссы, гораздо менѣ великороссовъ, подвергшіеся туранскому воздѣйствію, въ меньшей мѣрѣ обладаютъ нѣкоторыми положительными свойствами туранскаго происхожденія (напр. гораздо менѣ великороссовъ способны къ государственному строительству крупнаго масштаба), но за то проявляютъ, пожалуй, большую способность къ богословскому умозрѣнію и дали русской Православной Церкви цѣлый рядъ выдающихся богослововъ: какъ-то Дмитрій Ростовскій, Симонъ Тадорскій, Сильвестръ Каневскій и всю могилянскую богословскую школу, съ выросшей изъ нея русской богословско-академической традиціей. Въ Церкви, какъ и

уменьшаетъ тѣхъ положительныхъ свойствъ древне-русской набожности, которыя могутъ быть отнесены на долю туранскихъ чертъ психики. Такъ обстояло дѣло въ области религіозной, но не иначе было и въ области государственной: прививка къ русской психики характерныхъ туранскихъ чертъ сдѣлала русскихъ тѣмъ прочнымъ матеріаломъ государственнаго строительства, который позволилъ Московской Руси стать одной изъ обширнѣйшихъ державъ.

Подводя итогъ всему сказанному о роли туранскихъ этнопсихологическихъ чертъ въ русскомъ національномъ обликѣ, можно сказать, что въ общемъ роль эта была положительной¹⁾. Недостаткомъ была чрезмѣрная неповоротливость и бездѣятельность теоретическаго мышленія. Отъ этого недостатка слѣдовало избавиться, но, конечно, безъ принесенія въ жертву всѣхъ тѣхъ положительныхъ сторонъ русскаго національнаго типа, которыя были порождены сопряженіемъ восточнаго славянства съ туранствомъ. Видѣть въ туранскомъ вліяніи только отрицательныя черты — неблагодарно и недобросовѣстно. Мы имѣемъ право гордиться нашими туранскими предками, не меньше чѣмъ предками славянскими и обязаны благодарностью какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Сознаніе своей принадлежности не только къ арійскому, но и къ туранскому психологическому типу необходимо для каждаго русскаго, стремящагося къ личному и національному самопознанію.

во многихъ житейскихъ областяхъ обѣ главныя части русскаго племени призваны взаимно дополнять другъ друга. Отторгаясь другъ отъ друга каждая изъ этихъ частей рисковала бы впасть въ односторонность.

¹⁾ Разумѣется, мы не можемъ закрывать глаза на то обстоятельство, что люди съ описанными выше (см. прим. на стр. 370) свойствами аномальнаго аспекта туранской психики въ русской средѣ тоже существовали и существуют. Это — русскіе бунтари-доктринеры, основатели сектъ, фанатическіе однодумцы, многіе изъ которыхъ даже въ своемъ внѣшнемъ обликѣ представляютъ черты туранскаго антропологическаго типа. Какъ и слѣдовало ожидать, значеніе такихъ людей въ русской исторіи большею частью чисто отрицательное: они разъединяютъ, а не созидаютъ націю, разрушаютъ цѣнности больше, чѣмъ созидаютъ. Вслѣдствіе нечисто-туранскаго, а смѣшаннаго характера русской націи, такіе люди, исключительно рѣдкіе среди настоящихъ туранцевъ, среди русскихъ попадаются нѣсколько чаще. Но, въ общемъ, и среди русскихъ они представляются исключеніями, и, конечно, не ихъ приходится главнымъ образомъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи роли туранской психики въ русской исторіи. При этомъ разсмотрѣніи надо имѣть въ виду прежде всего нормальные случаи, а не исключенія.

Для всякой націи иноземное иго есть не только несчастье, но и школа. Соприкасаясь съ иноземными покорителями и засильниками, нація заимствуетъ у нихъ черты ихъ психики и элементы ихъ національной культуры и идеологии. Если она сумѣетъ органически переработать и усвоить заимствованное и выйдетъ, наконецъ, изъ подъ ига, то о благотворности или вредоносности ига какъ школы можно судить потому, въ какомъ видѣ предстанетъ освобожденная нація.

Монгольское иго длилось болѣе двухъ вѣковъ. Россія попала подъ него еще будучи агломератомъ удѣльныхъ княжествъ, самостоятельныхъ, разрозненныхъ, почти лишенныхъ понятій о національной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россію угнетать, а попутно и учить. А черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ Россія вышла изъ подъ ига въ видѣ м. б. и „неладно скроеннаго“, но очень „крѣпко сшитаго“ православнаго государства, спяннаго внутренней духовной дисциплиной и единствомъ „бытового исповѣдничества“, проявляющаго силу экспансіи и во внѣ. Это былъ результатъ татарскаго ига, тотъ плодъ, по которому можно судить о вредоносности или благоприятности самого ига въ судьбахъ русскаго народа.

Еще черезъ двѣсти съ небольшимъ лѣтъ появился Петръ Великій и „прорубилъ окно въ Европу“. Черезъ окно подули европейскія идеи. Началась европеизація правящаго класса съ усиленнымъ привлеченіемъ къ этому классу иностранцевъ. Та стройная „подсознательная философская система“, которая въ Московской Руси объединяла въ одно цѣлое религію, культуру, бытъ и государственный строй, и на которой держалась вся русская жизнь, стала подрываться и разрушаться. А вслѣдствіе этого основой государственности неизбѣжно должна было стать голая сила принужденія. Военная служба и крѣпостное право существовали и въ до-петровской Руси, но страной милитаристической и крѣпостнической *par excellence* Россія стала только въ эпоху европеизаціи. И если вспомнить, что ко всему этому времени присоединилось ожесточенное гоненіе на все исконно-русское, официальное признаніе національно русской культуры варварствомъ и духовное засиліе европейскихъ идей, то врядъ ли будетъ преувеличеніемъ обозначить этотъ

періодъ русской исторіи какъ эпоху „европейскаго“ или „романогерманскаго ига“. Это иго продлилось тоже болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Теперь Россія вышла изъ него, но уже въ новомъ видѣ, — въ видѣ „С. С. С. Р.“ Большевизмъ есть такой же плодъ двухсотлѣтняго романогерманскаго ига, какъ московская государственность была плодомъ татарскаго ига. Большевизмъ показываетъ, чему Россія за это время научилась отъ Европы, какъ она поняла идеалы европейской цивилизаціи, и каковы эти идеалы, когда ихъ осуществляютъ въ дѣйствительности. По этому плоду и надо судить о благотворности или вредности романогерманскаго ига.

И когда сопоставишь другъ съ другомъ эти два аттестата — аттестатъ татарской школы и аттестатъ школы романогерманской, то невольно приходишь къ тому заключенію, что татарская школа была вовсе ужъ не такъ плоха...

кн. Н. С. Трубецкой